

На рассвете, в десяти тысячах ли от Миньчжоу, столица государства Цзин — Императорская Столица — купалась в первых лучах солнца, окутавших всё сущее золотистым сиянием.

В западной части города от Ворот Белого Тигра, что вели во дворец, тянулась прямая мощеная дорога. Она вела к огромной, роскошной усадьбе в садово-парковом стиле. В народе поговаривали: что на небе обитель небожителей, то на земле — дом премьер-министра.

Над входом красовалась массивная доска из чистого золота, на которой рукой покойного императора было начертано: Клан Оуян. Крышу украшала синяя глазурованная черепица, а края карниза были декорированы искусными изваяниями драконов и фениксов — знак особой милости государя к этому знатному роду, чьи представители из поколения в поколение верой и правдой служили престолу.

Ныне наступил первый год эры Тяньси. На трон взошел шестнадцатилетний император Ин Жэнь, прозванный в народе Милостивым. Пятидесятивосьмилетний премьер-министр Оуян Хэ, прославившийся своими выдающимися заслугами и знатным происхождением, вполне ожидаемо сохранил за собой свой высокий пост.

Однако, несмотря на государственные почести и статус ветерана двух императорских правлений, Оуян Хэ пребывал в постоянной печали. Причиной тому был его единственный сын, двадцатилетний Оуян Цзиньсинь, решивший променять государственную службу на коммерцию. В глазах аристократии купцы были лишь грубыми людьми, зазывающими прохожих на улицах и вечно копающимися в грошах. Их социальный статус был ничтожен, и благородные мужи зачастую брезговали иметь с ними дело.

И хотя Оуян Цзиньсинь, руководствуясь принципами честной торговли и доступных цен, преуспел в делах — его три шелковые лавки славились на всю округу и приносили отличную прибыль, — это никак не могло утешить Оуян Хэ.

Ситуация неожиданно изменилась в начале прошлого месяца. Оуян Хэ взял сына с собой на праздничный банкет с фейерверками в честь коронации нового императора. Молодой и проникательный государь не только не выказал пренебрежения к низкому купеческому званию Оуян Цзиньсиня, но и во всеуслышание похвалил его за деловую хватку, образованность и учтивость. Более того, император тут же пожаловал ему четвертый ранг придворного чина для особых поручений и даровал золотую табличку — звание без обязанностей, но с высоким статусом. С тех пор император часто вызывал его во дворец, не скрывая своего расположения.

То, что столь юный Оуян Цзиньсинь завоевал доверие самого правителя, вызывало жгучую зависть у многих. Хмурое чело Оуян Хэ наконец разгладилось, но он и представить не мог, что это станет началом еще больших неприятностей.

— Премьер-министру Оуян Хэ принять указ! — раздался резкий голос старого евнуха в изумрудном халате. Тот стоял на пороге главного зала поместья Оуян, высокомерно задрал голову, а позади него маячили двое слуг.

— Старый слуга слушает волю государя! — Оуян Хэ вместе с домочадцами, находившимися в зале, поспешил выйти навстречу. Слева от него стояла сорокавосемилетняя супруга, чья стать дышала достоинством, а рядом с ней — красивая молодая женщина, пребывавшая в интересном положении, но не утратившая своего очарования. Евнух узнал её: это была двадцатилетняя старшая дочь Оуян Хэ, Оуян Ваньянь, выданная по указу покойного императора замуж за молодого и перспективного главу министерства финансов.

— По воле Небес император возвещает: приказываю премьер-министру Оуян Хэ немедленно явиться во дворец вместе с сыном Оуян Цзиньсином для аудиенции! Такова моя воля! — пронзительно выкрикнул старик, закончив чтение короткого указа.

— Слуга принял указ! Да здравствует император, десять тысяч лет, десять тысяч лет, десять тысяч лет! — после того как Оуян Хэ и его семья с поклонами до земли поблагодарили за высочайшую милость, глава клана дрожащими руками принял ярко-желтый свиток. Однако, в отличие от прежних раз, на их лицах читалась растерянность и испуг.

— Господин Оуян, пойдёмте же, — подобострастно произнес евнух, кланяясь. Он развернулся, но тут же замер и, обведя взглядом зал, с подозрением спросил: — Позвольте узнать, господин премьер-министр, где же ваш сын? Мне надлежит немедленно доставить вас обоих во дворец Цзиндэ для доклада.

— Это... — при этих словах на всегда невозмутимом лице Оуян Хэ выступили капли холодного пота.

Дело в том, что с тех пор, как Оуян Цзиньсинь прислал через гонца записку на платке — которую едва ли можно было назвать письмом — о том, что он вынужден срочно уехать, от него не было ни весточки. Весь последний месяц, когда Оуян Хэ помогал императору с делами в кабинете, тот неизменно спрашивал: Почему твой сын так долго не является во дворец?

Оуян Хэ не смел обманывать монарха, но и не хотел, чтобы император переключил гнев на сына, поэтому, стиснув зубы, отвечал, что тот уехал закупать товары для лавок, а сам тайно нанимал людей прочесывать всё побережье в поисках сына. Однако время для покупок было выбрано крайне неудачно, да и затянулось всё слишком сильно: во всех столичных лавках уже вовсю торговали летними тканями. Император всё понимал, но ради достоинства премьер-министра не разоблачал его на месте. Теперь же, получив этот указ, Оуян Хэ прекрасно осознал: император хочет видеть не самого Оуян Цзиньсиня, а требует от него, отца, правды.

— Ох... — тяжело вздохнув, Оуян Хэ отер пот со лба, собрался с духом и ответил евнуху: — У меня как раз есть срочное дело, о котором я должен доложить государю. Прошу вас, ведите.

Евнух хотел было напомнить, что молодого господина нет на месте, но, взглянув на суровое лицо премьер-министра, решил промолчать. Он отступил в сторону и, согнувшись в три погибели, проговорил:

— Господин премьер-министр, прошу за мной!

Император всегда был добр к Цзиньсиню, называл его необработанным алмазом и одаренным юношей. Значит, если всё честно объяснить, он не станет слишком суров к старику. К тому же... быть может, удастся упросить государя отправить на поиски этого непутевого сына имперских гонцов!

С такими мыслями Оуян Хэ сел в роскошную карету, направлявшуюся к Воротам Белого Тигра.

Прилив схлынул, снаружи, должно быть, уже глубокая ночь. Оуян Цзиньсинь находился в полной темноте. Шла уже третья ночь с тех пор, как его заперли в этом душном помещении без окон и дверей, с единственным люком в потолке.

Из-за отсутствия света он перестал отличать день от ночи. Знал лишь, что его бросили сюда глубокой ночью, а по тому, как качался корабль во время приливов и отливов, примерно прикидывал время. Оуян Цзиньсинь не знал, сколько еще ему придется считать дни. Стены отсырели, застоявшийся воздух был тяжелым и жарким. Он не ел ни крошки и, обессиленный, сидел в углу, погруженный в глубокое уныние.

Неужели он так и сгинет здесь, в этой тьме?!

Согласиться на требования Ли Жуя он не мог ни при каких обстоятельствах. После того, как тот подавил его, Оуян Цзиньсинь возненавидел этого человека всей душой и проклинал себя за беспомощность. Если Ли Жуй подойдет ближе, он без колебаний прикусит язык, чтобы покончить с собой. Похоже, Ли Жуй это почувствовал — иначе он не остановился бы со словами: Так мне не получить удовольствия.

Однако следом этот главарь пиратов произнес нечто, что скорее походило на угрозу, нежели на признание. Оуян Цзиньсинь считал, что подобные наглые требования даже хуже, чем прямое насилие — это была верх подлости.

— Уж лучше сидеть здесь, как крыса, чем быть его любовником, — пробормотал Оуян Цзиньсинь, глядя вверх, где в непроглядной мгле едва угадывался проем люка.

В этот момент сверху послышались тяжелые шаги, крышка люка откинулась, и внутрь проник свет. Это был Ли Жуй. Веребочная лестница с глухим стуком упала вниз. Ли Жуй бросил пару фраз Гао Цзяню, который держал масляную лампу, и сам начал спускаться.

Тусклый свет лампы освещал лишь крохотный пятячок, но даже этого хватало, чтобы Оуян Цзиньсинь — каждый раз, когда пират спускался — изучал устройство своей тюрьмы. Исследовав всё на ощупь, он понял, что это прямоугольная каюта: в левом углу стояли два пустых ящика и гора бамбуковой циновки, в правом — деревянная бадья для нужд. Видимо, это место часто использовали для заточения плененных купцов или матросов. Охрана снаружи наверняка была плотной, и сбежать, совершив какую-то хитрость, было почти невозможно.

Даже если бы кто-то пришел на выручку, он бы не догадался о существовании этого люка, заваленного ящиками.

— О чем задумался? Или настолько проголодался, что пошевелиться не можешь? — с издевкой спросил Ли Жуй, увидев, что Оуян Цзиньсинь неподвижно сидит в углу.

— Хм, — холодно буркнул Оуян Цзиньсинь, не удостоив его ответом.

— Твой упрямый характер, конечно, мил, но тело твое долго не выдержит, — сказал Ли Жуй, доставая из рукава сверток с рисом в промасленной бумаге и бамбуковую флягу с водой.

Оуян Цзиньсинь не протянул руки, даже не взглянул на еду, хотя аромат жареного риса на свином жире был невероятным искушением для того, кто питался лишь жиденькой похлебкой.

— Оставлю здесь, сам съешь, — Ли Жуй наклонился и положил сверток на пустой ящик.

Вдруг Оуян Цзиньсинь стремительно вскочил и с такой скоростью бросился к пирату, что тот не успел среагировать. Острая бамбуковая щепка уперлась Ли Жую в горло.

— Ты...! — брови Ли Жую сошлись на переносице, взгляд стал опасным.

— Выпусти меня, или я лишу тебя жизни! — Оуян Цзиньсинь никогда не ждал спасения, рассчитывая только на себя. За эти дни он вытащил из бамбуковой циновки прут и заточил его — это было его единственное оружие.

— А ты умен, — глядя на импровизированный клинок и окровавленные пальцы юноши, Ли Жуй криво и зло усмехнулся.

— Чему ты смеешься?! — этот низкий смешок, доносившийся из самой глубины груди, вызвал у Оуян Цзиньсиня дрожь и гнев.

— Думаешь, при твоём нынешнем состоянии сможешь одолеть меня? — сухо бросил Ли Жуй. Он нарочно давал ему лишь пустую похлебку — не только чтобы сломить волю, но и чтобы обессилить его. Он хорошо помнил, как Гао Цзянь был разгромлен этим субтильным книжником, которого недооценил.

— А?! — Оуян Цзиньсинь вскрикнул от резкой боли: его правое запястье, державшее бамбуковую щепку, было перехвачено и вывернуто за спину. Оружие упало на пол. Желудок был пуст, реакция стала катастрофически медленной — раньше он не позволил бы так легко себя обезоружить!

Ли Жуй облизнул сухие губы и, приблизившись к уху юноши, прошептал:

— Мне хочется обладать тобой всё сильнее.

— Босс! Всё в порядке?! — раздался сверху встревоженный голос Гао Цзяня.

— Всё хорошо. Сходи, позови людей, пусть вынесут отсюда эти ящики и циновки, — Ли Жуй отпустил Оуян Цзиньсиня, заметив, что Гао Цзянь постоянно заглядывает внутрь.

<http://bllate.org/book/21151/2144315>